

Предотвращение войны должно быть всеобщей обязанностью всех граждан, но сколько из тех объектов современной общественной инфраструктуры, что мы строили на протяжении десятилетий, способны обеспечить эффективное обслуживание государственной безопасности? Ради повышения общего уровня национальной экономики наша тяжелая промышленность уже заплатила тяжелую цену, и военная промышленность оказалась первой на линии удара.

В наших городах в развитых прибрежных районах повсюду возвышаются высотные здания, но сколько из этих муниципальных объектов соответствуют стандартам современной войны?

А взгляните на нынешнюю молодежь: о чем они думают, кроме как крутить романы, сидеть в интернете и смотреть телевизор? Гонятся за модой, самоутверждаются, целыми днями только и делают, что любят друг друга. Мы ведь никогда не прекращали пропаганду знаний о национальной обороне и не прекращали военно-патриотическое воспитание обычных граждан. Но какова ситуация на самом деле? Наши военные секреты продолжают утекать в интернет. Кто их распространяет? Когда я в кинотеатре смотрел фильм Нанкинская різня, вокруг меня сидели молодые люди и всю обсуждали, как жаль, что там не показали, как японские захватчики насилуют китайок!

Современная война все больше превращается в состязание между всеми членами государства, и огромное количество военных объектов зависит от гражданских систем. Разве в Соединенных Штатах и Японии, создавая гражданские системы, не учитывали в полной мере их военное назначение? Связь, энергетика, транспорт, электроснабжение — разве не так обстоят дела с каждым из этих направлений? Но когда разражается война, сколько собственных гражданских объектов может использовать наша армия? Какова эффективность их переоборудования? По сей день гражданский интернет США и Японии остается бесперебойным, играя огромную роль в обеспечении их военных нужд. Все упорно игнорировали колоссальную мощь вражеской системы материально-технического обеспечения, продолжая утверждать, что противник неспособен развязать войну такого масштаба. Но какова реальность? Какую подготовку мы провели? Что такое совокупная национальная мощь? Наш гражданский интернет в первые же часы после начала войны был практически полностью парализован в масштабах всей страны! Мир! Народ, забывший об угрозе гибели собственной страны, не достоин обладать ею.

Высказавшись об этом, взволнованный раненый с возмущением умолк и тяжело задышал.

Мы с Цзян Лэем сидели молча.

Не знаю, слушал ли меня Цзян Лэй внимательно, но лично я из длинных и пылких речей этого парня почти ничего не усвоил. Сейчас меня больше всего волновало другое: когда удастся прорвать окружение, переправиться через реку и уйти в более безопасное место. Еле-еле выбравшись живым и невредимым из горы трупов, я больше не испытывал ни малейшего желания снова брать в руки автомат и отправляться на передовую. Да и унылые, безнадежные лица раненых вокруг никак не располагали к тому, чтобы с воодушевлением и уверенностью в победе снова подняться на ноги.

Конечно, становиться пзоренным пленником мне хотелось еще меньше.

Безопасные места удалялись от нас все дальше. Всего за четыре месяца мы потеряли почти два миллиона квадратных километров территории, а сотни миллионов людей остались без крова и бежали. И это были экономически развитые регионы, на которые приходилась треть валового внутреннего продукта, включая значительную часть нашей современной индустрии электронной интеграции. Достижения тридцати лет реформ и открытости были разрушены в ходе войны. Только в Шанхае эти проклятые японцы перебили пятьсот тысяч наших безоружных простолюдинов!

Я невольно вспомнил, как перед самым нападением врага на этот город стоял у окна в офисе друга в высотке возле площади и смотрел на толпы горожан, спасавшихся бегством.

Потоки людей — повсюду виднелись лишь хаотично бегущие потоки людей. Казалось, весь город в одно мгновение погрузился в истерическое безумие, и каждый пытался вывезти себя и свое имущество из города с максимально возможной скоростью. На всех улицах безостановочно гудели машины, толпились, давили друг друга и визжали обезумевшие люди, а пытавшиеся навести порядок полицейские тщетно махали руками и что-то кричали. Казалось, каждый утратил веру в возможность защитить собственный дом, а окружающие люди вдруг стали до того эгоистичными и трусливыми, что мне сделалось горько от осознания того, что я принадлежу к подобному сообществу.

Голые руки людей неустанно сгребали стопки бумажных купюр, но вдруг они обнаружили, что вокруг них рыщут свирепые, жаждущие крови волки.

Мы с другом стали свидетелями этой сцены.

Мы напились вдвоем вдребезги, и весь вечер он проклинал этот город.

У этого мира нет завтрашнего дня, давай же предадимся хмельному забвению.

На следующий день, проснувшись, я узнал, что он выбросился из окна восьмого этажа.

Цзян Лэй тревожно теребил пальцы, опустив голову и храня молчание, а на его лице застыла не по возрасту зрелая, омраченная печалью печать усталости от жизни.

— Товарищ, мы тут рассуждаем уже столько времени, а до сих пор не спросили ваше имя. Вы были ранены в оборонительном бою? — осторожно поинтересовался я, пытаюсь сменить эту болезненную и безвыходную тему.

— Не церемоньтесь, меня зовут Цюй Чэн. Чертовщина, давайте не будем о ранении! Стоит человеку занять полосу неудач, как и вода на зубах застрянет! — с досадой хлопнув себя по бедру, бросил раненый.

— Что произошло? — удивленно поднял голову Цзян Лэй.

— Вы только не смейтесь надо мной. Я ведь до сих пор в глаза не видел, как эти японцы выглядят! — с досадливым видом втянув голову в плечи, пробормотал Цюй Чэн.

А?

Мы с Цзян Лэем переглянулись.

Почему? — в один голос спросили мы.

— Я из второго батальона сто шестьдесят третьей бригады сорок второй армии. Наша бригада изначально должна была служить резервом в операции по освобождению Тайваня, но когда враг начал полномасштабное наступление и высадился на берег, нам приказали сдержать его натиск. События развивались слишком стремительно, приказы из штаба военного округа были крайне туманными — от нас лишь требовалось за семь часов прибыть в определенный район и организовать оборону. Однако на марше колонна подверглась массированной атаке противника. Вражеские диверсанты, заброшенные в тыл, навели дальнобойные крылатые ракеты и провели электромагнитную атаку. Наши системы связи и управления батальонного и более высокого звена были мгновенно подавлены и уничтожены противником, войска ослепли и оглохли. Ничего не поделаешь, пришлось попытаться поддержать связь между штабом дивизии и подразделениями через гражданские линии связи. А гражданская связь, сами знаете, тоже накрылась медным тазом. Покуда мы двигались вперед, местные жители поголовно бросились в паническое бегство, дороги забило до предела. Прораг использовал наши гражданские радио- и телеканалы для распускания слухов, в рядах населения начался полный хаос, и местное управление вооруженных сил оказалось абсолютно неспособно контролировать обстановку.

Еле добравшись до места назначения, мы обнаружили, что господство в воздухе в нашей зоне боевых действий давно утеряно, и едва подразделения развернулись, как тут же превратились в живые мишени для вражеских бомбардировщиков. Пособники японцев из числа предателей помогли вражеским агентам использовать дроны для наведения боеприпасов, которые те сбрасывали с безопасного расстояния из-за пределов зоны нашей ПВО. Вот так армия и рассеялась, а я получил тяжелое ранение от кассетных бомб. Если бы не товарищи, которые вытащили меня ценой собственной жизни, мне бы давно пришел конец. Вот так всю дорогу на отступлении я попутно и лечился. Ничего, через пару дней уже выпишываюсь. Полоса тягот наконец-то подходит к концу!

Мы с Цзян Лэем слушали рассказ Цюй Чэна с разинутыми ртами и лишь спустя долгое время смогли закрыть их.

Я впервые слышал рассказ нашего бойца о событиях начального периода войны. За последнее время я много раз пытался расспросить других солдат, но никто и никогда не желал мне отвечать. То была страница истории, которую не хотелось вспоминать — глубокий позор каждого военнослужащего и гражданского лица.

— Кое-что о положении на юге я видел собственными глазами, — тихо заговорил Цзян Лэй.

— Тогда я находился в Шаогуне. Потоки отступающих с фронта людей напоминали не имеющие ни начала, ни конца муравьиные тропы: грузовики, легковушки и даже велосипеды — в ход шло любое средство передвижения, которое удавалось раздобыть местным жителям. Вдоль дороги то и дело попадались трупы людей, погибших во время авианалетов или затоптанных в давке, вокруг валялись брошенные вещи. Я сидел в армейском грузовике, смотрел по сторонам и плакал. И все бойцы в кузове тоже плакали.

Глаза Цзян Лэя покраснели, и в них заблестели чистые слезинки.

— Что же нам теперь делать? Нельзя же просто лежать здесь и ждать, когда японцы прорвут фронт, чтобы всем вместе сдаться! А? Цюй Чэн? Ты как думаешь? Разве нам не следует прорываться из окружения? А? Прорываться!

Не веря, что наши позиции устоят до моего выздоровления, я вновь и вновь заводил разговор об этом, надеясь услышать от Цюй Чэна хоть какую-то надежду.

— Не знаю. Сам не знаю. Но враг не сможет удерживать столь протяженную линию фронта, им придется отступить. К тому времени мы, возможно, продержимся до подхода войск с севера и запада, которые деблокируют окружение. Нельзя же так просто терять веру, как вы считаете?

Произнося это, Цюй Чэн сам выглядел несколько растерянным.

Фух!

Я тяжело вздохнул, но тягостное чувство, сжимавшее грудь, никак не удавалось разогнать.

Вокруг непрекращающимся фоном звучали плач и рыдания людей, обхвативших головы руками, что отлично гармонировало с промозглой дождливой погодой.

Черт побери, превосходное местечко!

— Боевой дух здешних солдат почти иссяк! — озвучил схожие мысли Цзян Лэй.

— Чертовщина! Только и делают, что режут! Разве слезами можно прогнать японцев? — задрал подбородок, грубо и громко выругался Цюй Чэн, но никто ему не ответил.

Около двух-трех часов ночи нас разбудили голоса нескольких зычных воинов. Они наперебой кричали, где врач, словно кто-то из важных лиц получил ранение. Какой-то нерасторопный боец в спешке задел стоявший у ног пластиковый бак, и тот с громким металлическим грохотом покатился по полу, отчего только что успокоившийся туннель снова пришел в движение.

Испуганные лица стали то тут, то там высовываться из-под простыней и с пола, точно стадо перепуганных оленей, ищущих источник опасности.

Цюй Чэн очнулся быстрее меня и в один миг вскочил.

— Кто ранен? Чего тут столько народу столпилось! — бормотал про себя окончательно лишившийся сна Цюй Чэн.

Несколько врачей и медсестер вихрем пронеслись мимо моей койки, увлекаемые солдатами, а по их залитым потным лицам и напряженному выражению глаз можно было догадаться о крайней степени чрезвычайности происходящего.

— Быстро! Сяо У, готовьте операционную! Доктор Цао, быстрее проводите дезинфекцию! — командовал пожилой врач с острым подбородком, раздавая указания персоналу.

— Товарищ! Товарищ! Умоляю, сделайте так, чтобы инженер Лю выжил! Я прямо сейчас готов на колени перед вами встать! — захлебываясь слезами, говорил офицер в очках, при этом жестикулируя так, будто действительно собирался опуститься на колени перед врачами.

— Товарищ! Товарищ, не надо так. Мы непременно приложим все усилия, чтобы спасти этого раненого, не переживайте, — пожилой врач с заостренным подбородком торопливо удержал офицера, похожего по виду на командира, который уже собирался опуститься на колени.

— Кто это ранен? — с удивлением спросил я у Цюй Чэна.

— Понятия не имею. Судя по всему, из наших частей технического обеспечения, скорее всего, какой-то ключевой специалист, иначе эти люди не нервничали бы до такой степени, — потирая подбородок и отчаянно вытягивая шею, произнес Цюй Чэн.

Медицинская каталка со скрипом покатила вглубь коридора в сопровождении врачей и медсестер, увозя раненого в операционную.

Проводив взглядом исчезнувших в дверях медиков, пришедшие с ними бойцы остались стоять или сидеть небольшими группами у входа в операционную.

— Эй, товарищ! — Цюй Чэн помахал рукой молодому солдату, стоявшему неподалеку от нас в числе тех, кто сопровождал раненого.

Тот огляделся по сторонам, удостоверившись, что зовут именно его, и после минутного колебания направился к нам. Тем временем раненые вокруг начали наперебой перешептываться, гадая о происходящем.

— В чем дело? — подойдя к Цюй Чэну, спросил молодой боец.

— Кто это получил ранение? — с участием осведомился Цюй Чэн.

Все вокруг навестили уши, а Цзян Лэй тоже проснулся и приподнялся на постели.

— Технический директор центра поддержки радиоэлектронной борьбы, — ответил боец.

— Ого! А как он пострадал? — опешив, тут же переспросил Цюй Чэн.

Центр поддержки радиоэлектронной борьбы был одним из важнейших подразделений наших окруженных сил, а технический директор этого центра — поистине душой данного подразделения.

Неудивительно, что эти офицеры и солдаты выглядели столь испуганными и подавленными.

— Получил ранение от японского ударного дрона, когда занимался починкой двухпозиционной радиолокационной станции, — присев рядом с Цюй Чэном, тихо ответил боец, закрыв лицо руками.

— Как же они так неосторожно? — вставил слово сосед по палате.

— Японцы пустили в воздушное пространство вокруг сразу больше десятка дронов, большую часть целей мы сбили. Но вражеские беспилотники навели дальнобойную артиллерию, и двухпозиционный мобильный радар был поврежден осколками снарядов. Директор Лю как раз руководил работами по ликвидации последствий обстрела, когда его задело бомбой уцелевшего дрона, — пояснял солдатам боец.

Стоявшие рядом любопытствующие воины дружно втянули воздух, и лица у всех помрачнели.

Раз уж даже старшие офицеры информационного центра поддержки не могут гарантировать собственную безопасность, у окружающих раненых не осталось поводов для оптимизма.

— Сможем ли мы вообще победить? — тяжело вздохнув, изнуренный раненый рухнул обратно на койку и натянул одеяло на голову.

Несколько других раненых поблизости молча обменялись взглядами, и по их лицам было легко прочесть царившие в душах смятение и тревогу. Цюй Чэн тоже сидел молча, в задумчивости потирая подбородок.

Наступил рассвет. Из операционной уставшими шагами вышли врачи и медсестры, но на их

лицах читалось выражение облегчения.

Медикам удалось вытащить технического директора с того света.

Стоявших у дверей больницы солдат врачи уговорили разойтись только после того, как те убедились, что их начальник вне опасности. Раненые, услышав благую весть, спешили поздравить бойцов, однако на лицах самих воинов было мало радости.

С рассветом в больницу один за другим прибывали старшие офицеры, справлявшиеся о состоянии директора, и новость о ранении технического директора информационного центра мгновенно облетела весь госпиталь. Но в погруженном в уныние госпитале это известие не произвело особого фурора, и с наступлением дня больница вновь заполнилась многоголосыми стонами и криками.

Отличившимся в боях офицерам и солдатам еду разносили специально приставленные медсестры, и дисциплина в военных палатах сохранялась на сносном уровне. Куда более хаотичной выглядела обстановка в секторах для гражданских: пища и питьевая вода доставлялись в огромных бочках, и каждая раздача сопровождалась скандалами и потасовками разного масштаба. И хотя палаты были отделены друг от друга армейскими палатками, мы всё равно могли вообразить всю неприглядность и омерзительность происходившего по пронзительным визгам и брани женщин и детей.

Остальным оставалось лишь гадать, какие испытания выпадут на их долю, но, судя по словам Цюй Чэна, рассудок уже помутился у нескольких докторов и медсестер.

Жить здесь стало совершенно невозможно!

— Врач! Доктор, скорее сюда! — надрывая голос, завопил Цзян Лэй, с трудом приподнявшись у соседней койки.

На его зов быстрыми шагами откликнулась находившаяся неподалеку главная медсестра У. Ее лицо скрывала огромная медицинская маска, и видны были лишь большие прекрасные глаза.

— Что случилось? — с легкой ноткой усталости в голосе спросила она.

— Он умер! — указал Цзян Лэй на бойца, лежавшего на соседней кровати.

Умер! Разве это не тот самый солдат, у которого пару дней назад после ампутации ног врачами начался нервный срыв?

Как умер?

Главная медсестра У торопливо откинула армейское ватное одеяло, укрывавшее бойца, и тучи хлопьев взметнулись в воздух, разлетаясь во все стороны.

Солдат безмолвно сжался в комок на больничной койке, уставившись в никуда потухшими глазами, а его губы приобрели синюшный оттенок.

И вправду умер!

Прошлой ночью он разорвал уголок своего армейского одеяла, набил легкие огромным количеством ваты и тихо, без единого звука удушил себя собственными руками.

Необычайно непропорциональное тело покончившего с собой бойца застыло свернувшись калачиком на белоснежной простыне, его посиневшее лицо покрывали комочки ваты, а безжизненный рот был широко открыт, на это зрелище было невыносимо смотреть.

Окружающие раненые стали медленно подтягиваться, толпа росла, и вскоре вокруг образовалось несколько плотных рядов.

Тихие рыдания — кто-то начал тихо плакать. Постепенно, подобно чуме, среди людей прокатилась волна все более надрывного всхлипывания. Из-за палатки кто-то из гражданских тоже высунул голову, отчаянно выискивая источник сенсационных новостей.

С потемневшим лицом Цюй Чэн подошел ко мне, скрестив руки на груди, а его взгляд, острый словно лезвие ножа, блуждал по толпе открыто проливавших слезы людей.

— Расступитесь, граждане. Главная медсестра У, отправляйте в морг. Не толпитесь здесь! — протиснувшись сквозь толпу, проговорил врач с медицинской каталкой.

Главная медсестра У, долгое время недвижимо простоявшая у койки, холодно бросила одеяло на тело покончившего с собой солдата, не предприняв попытки привести все в порядок. Собравшаяся толпа теснилась вокруг той койки, переполненная скорбью и жалостью. Низкий туннель в этот миг казался настоящим склепом.

— Сяо У, помоги поддержать ноги, — врач приподнял туловище бойца, собираясь переложить его на каталку.

Женщина-медсестра по-прежнему не шевелилась.

— Сяо У? Если хочешь, сходи отдохни, ты не спала уже двое суток, — растерянно оглядев все более унылую обстановку вокруг, врач тронул за плечо коллегу и с беспокойством добавил вполголоса.

Отчаянные взгляды окружающих раненых окончательно лишили его возможности сориентироваться.

— Ты трус! Ты дезертир! — внеистово закричала главная медсестра У, в порыве отчаяния вцепясь в воротник гимнастерки покончившего с собой солдата, а ее исполненный боли и обиды голос мгновенно приковал к себе внимание всех присутствующих.

Разве ты не знал, что ради твоего спасения трое товарищей отдали свои жизни?

Разве ты не знал, что для поддержания твоей жизни несколько врачей по очереди делились с тобой кровью?

Кто же тогда отомстит за шанхайских соотечественников?

Мужчина ты или кто?

Остались ли вообще в Китае настоящие мужчины? — Э-э...

Долго подавляемые эмоции главной медсестры У наконец вырвались наружу, и она изо всех сил принялась трясти безвольное, уже потерявшее чувствительность тело, вцепившись обеими руками в его одежду.

Рвущие воздух пронзительные вопросы и крики, подобно тяжелому молоту, обрушившемуся в холодную темную ночь на наковальню, гремели раскатами эха, ударяя мне в позвоночник и непрерывно опаляя душу.

Мое дыхание участилось, и к голове прилила волна горячей крови.

Разве мы — защитники?

Но мы не в силах даже взглянуть в глаза собственным соотечественникам!

Среди нас находятся те, у кого не хватает мужества элементарно жить дальше!

Мы...

Врач, собиравшийся заняться телом, остолбенел, наблюдая за тем, как медсестра дает выход накопившейся боли, а вокруг стихли даже те раненые, что минуту назад украдкой утирали слёзы, — все присутствующие понуро опустили головы.

Лицо Цюй Чэна почернело, он тяжело выдохнул, резко оттолкнул толпу и протиснулся вперед.

Под взглядами безмолвных людей Цюй Чэн с усилием приподнял главную медсестру, знаком показав стоявшему рядом врачу поддержать ее, после чего наклонился, подхватил тело самоубийцы на руки и зашагал большими шагами в сторону помещения для приема тел.

Утром Цюй Чэн, облачившись в камуфляж, в одиночестве молча собирал свои вещи.

Он твердо решил уходить.

— Товарищ Цюй Чэн, ваше ранение еще не зажило. Потерпите еще несколько дней, снимем швы, и тогда, даже если вы сами не захотите уходить, мы вас выгоним.

Стоявший рядом врач явно был недоволен своеволием Цюй Чэна и наотрез отказывался подписывать выписной листок, который тот протягивал ему под нос.

В обед Цюй Чэн неподвижно сидел на больничной койке с прямой спиной, словно изваяние, уставившись в пространство за пределами туннеля, а котелок с едой так и остался нетронутым лежать рядом.

За все время он не произнес ни слова.

Сидевшие вокруг и трапезничавшие раненные то и дело бросали на него недоуменные взгляды.

После полудня у выхода выстроилась очередь из нескольких уже выздоровевших бойцов.

Цюй Чэн резко поднялся на ноги, застегнул фуражку, одернул гимнастерку, подобрал вещмешок и на секунду замер, распрямив плечи.

Строевым шагом он направился к выходу из госпиталя.

— Цюй Чэн! — сорвавшись, выкрикнул пивший воду Цзян Лэй.

Цюй Чэн удалился, не оглядываясь.

<http://bllate.org/book/21115/2142672>